

ТМ

ПИСАТЕЛИ О ТВОРЧЕСТВЕ

Константин
Ваншенкин

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

*Константин
Ванишенкин*

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Москва
«Советская Россия»
1986

Библиотечка «Писатели о творчестве» выпускается
по инициативе Литературного института
им. А. М. Горького СП СССР

Состав редколлегии:

Дементьев В. В. — главный редактор, Евдокимов Н. С.,
Гусев В. И., Курганова В. М., Сартаков С. В.,
Сидоров Е. Ю., Тельпугов В. П., Шкаев В. В.

Художник
В. Богданов

В $\frac{4603010102-191}{М-105(03)86}$ 85—86

© Издательство «Советская Россия», 1986 г.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Прочитал недавно в воспоминаниях такую примерно фразу: «Я благоговейно пожал руку, которой было написано то-то и то-то» (названия общеизвестных произведений). И вскоре у другого: «я смотрел на эту руку, создавшую...» А один современник сказал даже о себе: «Этой рукой я написал...» Но при чем здесь рука? Рука — лишь техническая подробность.

Пушкин говорит:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный...

То есть созданный величием духа, таланта, гения. В отличие от Александрийского столпа.

Поразительна и вторая строка:

К нему не зарастет народная тропа...

Знаете эти тропы через лес или поле? Каждая несет единственно правильное решение. Или перегородят сквер, напишут: «Не ходить!» — но логика требует, чтобы тропа пролегла именно здесь, и ничего поделать невозможно.

Однако у Пушкина народная тропа к памятнику нерукотворному — образ: тропа, незарастающая в благодарной памяти народа, в его живом сознании.

Стихи пишут разные, непохожие друг на друга поэты, каждый со своей индивидуальностью — в этом смысле. Но сама поэзия едина. Она не слишком меняется — даже на протяжении веков. И главная ее особенность и суть — эмоциональное воздействие на человеческую душу — остаются неизменными. А то, что раньше, к при-

меру, рифмовали: «Крыши — мыши», а теперь: «крыши — крысы», — какая, собственно, разница! Иными словами, технические новшества, модные системы рифмовки и проч. — совсем не основное.

Минувшей зимой я с несколькими своими товарищами ехал как-то в микроавтобусе поздним вечером по Минскому шоссе. До Москвы было километров пятьдесят, стоял крепкий мороз, луна причудливо освещала густо заснеженные поля и леса. И я начал твердить про себя пушкинское стихотворение «Зимняя дорога». Его обычно относят к категории наиболее простых, — не знаю, как сейчас, но раньше оно обязательно включалось в школьную хрестоматию, правда, не целиком.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одне...

Скучно, грустно... завтра, Нина,
Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь,

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля, смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

Я повторял про себя это волшебное стихотворение и обнаруживал, что в каждой строчке его содержится художественное открытие. «Волнистые туманы» — это же нужно увидеть. А луна, которая «пробирается» сквозь них! Как пробираются сквозь лес или толпу. Потом — «печальные поляны» и рядом свет, льющийся на них «печально». Зачем же так? Ведь можно было поставить тут или там другое слово. Нет, именно этот повтор, эта перекличка создают наиболее острое ощущение печали. И по правде сказать, мне всегда казалось, что действие этих стихов происходит где-то в степи, в поле, — может быть, по ассоциации с «Бесами» или с ямщицкими песнями и рассказами о буране. А здесь «поляны». То есть дорога проходит и через лес (не отсюда ли и «пробирается?»), и это придает картине дополнительную смутную тревожность.

Однако следующая строфа начинается подчеркнуто деловито. Здесь один эпитет объясняется и подкрепляется другим. Если бы было сказано только: «по дороге зимней», это бы воспринималось лишь как простая информация. Если бы только: «по дороге... скучной», — тоже: ну, какое тут веселье! А вместе они срабатывают с более чем двойной силой. Потому и скучной, что она зимняя, — вот в чем дело!

Далее — две пронзительнейшие по воздействию строки. Раньше на хороших тройках подбирались заливные бубенцы, малиновые колокольцы — срединный басового

тона и боковые, звучащие подголосками. А здесь «однозвучный»¹, с одним только звуком, да еще «гремит», да еще и «утомительно», надоев за длинную дорогу. Но зато в «песнях ямщика», тоже «долгих», «что-то слышится родное», они невольно как бы противопоставляются мертвому колокольчику, они живые, столь различительно меняющиеся по настроению.

То разгулье удалое,
То сердечная тоска.

И первое особенно поразительно среди ночной снежной пустыни. А ведь какова эта дорога! —

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег...

Не только слабо освещенного окошечка, но и вообще селения, спящей избы нет — и давно уже — на санном пути. Только полосатые дорожные столбы без конца, а ведь от одного до другого целая верста.

На этом месте стихотворение обрывалось в нашей школьной книжке. А между тем дальше и встает облик самого седока. Помните признание в «Бесах»?

Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

¹ Не отсюда ли известная песня:

Однозвучно звенит колокольчик,
И дорога пылится слегка,
И уныло по ровному полю
Заливается песнь ямщика.
Сколько грусти в той песне унылой,
Сколько чувства в напеве родном... и т. д.

Автор ее — Н. П. Макаров (1810—1890), лексикограф, составитель словарей, выдающийся гитарист (см.: Русские народные песни. М., Худож. лит., 1957, с. 670).

А «Колокольчик однозвучный» («Дорожная дума») Петра Вяземского! Эти стихи написаны на четыре года позднее пушкинских.

А здесь нет. Нигде не сказано, что ему не по себе в бесконечном зимнем пути, или что он устал, или что ему холодно. Да и не только не сказано, этого и нет. Он говорит:

Скучно, грустно... —

словно в задумчивости.

Здесь неожиданно появляется женщина, названная по имени. Кто она, эта Нина? Действительное ли лицо? Я учился у замечательного пушкиниста Сергея Михайловича Бонди. Можно было бы спросить. Да и И. Л. Андроников, наверное, знает, и В. Н. Орлов... Но никогда не приходило в голову поинтересоваться, да и сейчас не хочется. Не хочется нарушать очарования, таинственности.

Путник мечтает о встрече у камня:

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

«Стрелка часовая» — это, конечно, просто стрелка часов, и как раз минутная, иначе круг длился бы сутки. Он мечтает о встрече, но словно думает еще о чем-то другом. И куда он едет? Стихотворение написано в двадцать шестом году. Тут и расправа с декабристами, и окончание собственной ссылки, — все в одном узле. Стихи «И. И. Пущину» («Мой первый друг, мой друг бесценный») стоят в томе почти рядом.

И опять:

...Путь мой скучен,
Дремля, смолкнул мой ящик...

Один из главных, ключевых пушкинских образов — образ дороги, образ дороги-жизни.

Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

Какой прелести исполнена последняя строка! И это уже не «волнистые туманы» и не «пробирается». Как это высоко и как это приятно произнести:

Отуманен лунный лик.

Товарищи мои молчали, задумавшись, как это часто случается в дороге; кое-кто подремывал. Наш темный автобус все чаще пробивали огни фонарей и витрин, участились остановки у светофоров — мы въехали в Москву, хотя до центра было еще далеко. Попутчики неуверенно зашевелились, словно приходя в себя, стали разговаривать о будничных делах — кому где сходить, вспоминать минувший день, прощаться.

1978

«БУРЯ МГЛОЮ НЕБО КРОЕТ»

Общеизвестны пристрастие и любовь Пушкина к осени.

«Сказать вам откровенно, из годовых времен я рад лишь ей одной...» Это так. Но, скажем, порицая весну, поэт тут же признается: «Суровою зимой я более доволен, люблю ее снега...» Более того, именно картины зимы запомнились нам у Пушкина еще с нашего детства. «Зимняя дорога»... «Зимнее утро»... «Бесы»... А «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю!..» Да и «И. И. Пущину» («Мой первый друг, мой друг бесценный!») тоже зимнее стихотворение.

А зима в «Евгении Онегине»! Ее воистину хрестоматийные описания. Да и дуэль — зимой!

Зима для России особое время года, фирменное, что ли. Особенно тогда. Многомесячная деревенская оторванность от мира. Жестокие блуждания в метели сбившихся с дороги, мытарства и ожидание лошадей на станциях. Но если нет пурги, то, наоборот, — «Как стих без мысли

в песне модной, дорога зимняя гладка». Каково сказано! И — далее — «Неутомимы наши тройки...»

Зима сверкает, метет и поет на пушкинских страницах. И не только в стихах. Некоторые сцены «Бориса Годунова» имеют, в скобках, обозначающую дату. Скажем, «Кремлевские Палаты» (1598 года, 20 февраля). Или «Равнина близ Новгорода-Северского» (1604 года, 21 декабря). Опять зима. Ну, а проза!.. «Метель». Да и «Станционный смотритель» во многом. И конечно, «Капитанская дочка» с ее классическим бураном.

Мне хочется остановиться сейчас на одном из известнейших зимних стихотворений Пушкина, — пожалуй, первом в порядке возникновения, — «Зимний вечер».

Буря мглою небо кроет...

Какое-то магическое сочетание слов. Среди прочих существует такое определение литературы: «Лучшие слова в лучшем порядке». Автор этой формулы, кажется, Мопассан.

Но что значит — лучшие слова? Разве бывают слова лучше и хуже? Конечно! — в каждом конкретном случае. Не зря Бунин говорил, что в «Василии Теркине»... «ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова». А сам Твардовский в письме к молодому поэту называл некоторые слова «пустопорожними, не имеющими ни цвета, ни запаха, ни звона...».

Так что все-таки бывают лучшие слова. А в лучшем порядке? Рука не поднимается, но попробуйте мысленно поменять местами слова в этой начальной строке — в любом сочетании. Не только мигом исчезнет очарование, но те же самые слова будет просто трудно произнести. Они на глазах перестанут быть лучшими.

Мы с малолетства привыкли к этим стихам и воспринимаем их как явление природы, почти не замечая их волшебства. Но вот первые две строки — прямое зрительное восприятие: «вихри снежные крутя...». Какая

мощь! — только представьте. А две следующие строчки той же строфы — звуковой ряд, две метафоры:

То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...

Попробуйте услышать эти звуки за зимним сельским окном — жуть возьмет.

Что еще сказать о начальной строфе? Один из персонажей рассказа Л. Н. Толстого «Хозяин и работник» — Петруха то и дело ссылается в разговоре на некоего Паульсона, цитирует его. Толстой комментирует; разумеется, называя фамилию правильно: «Петруха был грамотный и знал почти наизусть имевшуюся у него единственную книгу Паульсона и любил, особенно когда он был немного выпивши, как нынче, приводить из нее казавшиеся ему подходящими к случаю изречения». И здесь, когда хозяин и работник, отказавшись ночевать, уезжают на ночь глядя в метель, он «говорил улыбаясь стихи из Паульсона». Толстой так и пишет: «стихи из Паульсона» (!). «Он говорил: «Буря с мглою небо скроить, вихри снежные крутить, аж как зверь она завоить, аж заплачет, как дитё»¹.

Действительно, к случаю: путники уезжают в пургу и в конце концов замерзают. Но какова Петрухина интерпретация!

Однако кто же такой Паульсон? На этот вопрос ответила мне «Большая энциклопедия» книгоиздательского товарищества «Просвещение» (С.-Петербург, 1896).

Паульсон Осип Иванович (1825—1898) — педагог, писатель. «Один из деятелей эпохи усиленного прогрессивного движения в русском педагогическом мире». Издавал и редактировал (1861—1872) журнал «Учитель». «Кроме того, П. известен как составитель руководств для начального обучения».

¹ Мне уже случалось приводить эту цитату по другому поводу в беседе с Г. Красухиным, посвященной песне.

Таким образом, Петруха, вероятно, пользовался тогдашней хрестоматией для народа. «Стихи из Паульсона». Пушкин (в данном случае чудовищно искаженный) утратил авторство, стал явлением народной жизни.

Но это к слову.

Далее — продолжение того же звукового ряда:

То по кровле обветшалай
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

И тут — описание места действия:

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.

Может быть, поэт назвал так свой маленький, не полностью отапливаемый, но все-таки барский дом?

Что касается веретена, — то ведь няня часто находилась здесь вместе со своей работой. И все-таки мне кажется, что это он зашел в ее стоящий рядом домик, навестил ее. Он спрашивает: «Где же кружка?» Как мы знаем, он предпочитал в стихах бокалы, стаканы, чаши. И еще. Так спрашивают в чужом доме, когда не знают, где что находится. Это, как бы выразились сегодня, репортаж из домика няни.

Недавно я впервые прочитал «Зимний вечер» своей внучке-дошкольнице. Говорю об этом не для того, чтобы добавить в повествование дозу сентиментальности. Нет, просто я, читая, воспринимал стихи тоже как в первый раз и с ее точки зрения. Так вот, никогда не замечал, а сейчас заметил:

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила...

А почему, собственно, тихо? Синица не тихая птица. Потому что за морем? Но ведь синицы не улетают. Могут

сказать, это сказка. Вроде той, где синица море подожгла. Вряд ли убедительно, — слишком реально все остальное. А может быть, такая песня — про синицу за морем — и существует?

В стихах, о которых речь, поэт применяет именно песенный прием — повтора. Написав двадцать четыре строки, он берет первые четыре, предпоследние четыре, объединяет их и образует заключительное восьмистишие:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Собственно, он взял самые главные, существенные строки и дополнительно обратил на них наше внимание — здесь картина и звучание зимней бури, и неотпускающая, глубинная его боль.

1983

«...СЧАСТЬЕ — НЕ В ЗАБВЕНЬЕ»

Внимательного читателя поэмы «Дом у дороги» привлекают даты, стоящие под последней главой: 1942—1946. Почти как после «Василия Теркина», там — 1941—1945. Значит, что же? Кроме охватывающей всю войну «Книги про бойца», кроме многих замечательных фронтовых стихотворений — он писал еще и это! Непостижимо!

Но нет, —

Я начал песню в трудный год,
Когда зимой студеной

Война стояла у ворот
Столицы осажденной.

(В сорок втором, правда, такого напряжения под Москвой уже не было.) И далее, обращаясь к солдату:

Твоей судьбой я только жил
И пел ее донине,
А эту песню отложил,
Прервав на половине.

И как вернуться ты не мог
С войны к жене-солдатке,
Так я не мог весь этот срок
Вернуться к той тетрадке.

Да, он вернулся к ней уже после войны. И завершил поэму, подспудно жившую в нем, на удивление быстро.

У этой общепризнанной поэмы особая, какая-то необыкновенная судьба. Она большинством не вполне прочитана. Несравнимо в этом смысле с «Теркиным». Нет, читать ее было не скучно, а слишком больно.

Я записал когда-то: «Дом у дороги» полон высочайшего трагизма, человеческого горя. Это поэма о всенародной беде и всенародном подвиге. Герои остаются живы, но автор не дает их встречи, более того, Андрей не знает, что с семьей, Анна не знает, что с Андреем. Здесь нет (или почти нет) шутки, так свойственной Твардовскому и такой щедрой в «Теркине», — еще бы: Теркин на фронте, среди своих, — а это совсем другое дело» («Перечитывая Твардовского», 1958).

Полная горя, печали, боли, силы и высокого пафоса поэма — монолог. Как он сам определил двумя странно сочетаемыми словами — «Лирическая хроника». По примеру его «Сельской хроники», «Фронтowej хроники». Но именно хроники. Это для него важнее всего.

«Дом у дороги»... Само название уже тревожит, задевает. (У Твардовского есть стихотворение сорок пятого

года «Дом по дороге фронтовой», написанное с легкой, грустной улыбкой, там иная судьба, — но тоже судьба.) Дом у дороги — это метафора: любой может остановиться, зайти. Он открыт перед войной, беззащитен — Дом у дороги. «Нет, кабы дом подальше от дороги...»

Это мощный, горький образ. Возникает он и через много лет в повести Василя Быкова «Знак беды». «Но хутор... стоял под липами невдалеке от дороги». И снова: «Известное дело, придорожная усадьба: какая необходимость ни случись — у всех на глазах». Разумеется, это не заимствование, даже не влияние — это одинаковость ситуации, жизни. И еще немало схожего: там и тут начало войны, беженцы, отступление. Но заголовок, может быть, взят и сознательно.

У Твардовского стихотворение: «Перед войной, как будто в знак беды...» Знак беды. В обоих случаях речь идет об уничтоженных деревьях — морозами или войной.

И еще, когда читаешь эту поэму, неожиданно смутно вспоминается песня — «Враги сожгли родную хату», особенно в конце. К ней я еще вернусь.

По моему сценарию был отснят документальный фильм «Детство Твардовского». Режиссер Игорь Гелейн долгие дни просиживал в киноархивах, и терпение его было вознаграждено: он отыскал редчайшие, по сути, уникальные кадры, запечатлевшие поэта. «Натура» же снималась на родине Твардовского, в тех самых местах, где стоял когда-то хутор Загорье. Группа выезжала туда неоднократно, в разное время года. И вот летом был подробно заснят покос. Ступенчатая шеренга косцов, обед, купание мальчишек в Днепре, с нагруженной сеном баржи. Крупно взятые прекрасные крестьянские лица: старухи, мужики, девушки, молодые ребята.

Я уже заканчивал писать текст к фильму, и режиссер приехал ко мне в Переделкино. Покос решено было

дать без дикторского голоса, чтобы зритель мог расслабиться и просто насладиться видом труда и смоленской природы. Но я взял том, начал читать вслух и не мог заставить себя остановиться:

...Трава была травы добрей —
Горошек, клевер дикий,
Густой метелкою пырей
И листья земляники.

И ты косил ее, сопя,
Кряхтя, вздыхая сладко.
И сам подслушивал себя,
Когда звенел лопаткой:

Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы домой.

Таков завет и звук такса,
И по косе вдоль жала,
Смывая мелочь лепестков,
Роса ручьем бежала.

Покос высокий, как постель,
Ложился, взбитый пышно,
И непросохший сонный шмель
В покосе пел чуть слышно.

И с мягким махом тяжело
Косье в руках скрипело.
И солнце жгло, и дело шло,
И все, казалось, пело:

Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы домой...

А Гелейн сидел в кресле и счастливо улыбался, слушая эти строки. Нет, мы не включили их потом в кар-

тину, это не только слишком бы перегружало наш маленький фильм, это уводило бы в сторону, — ведь я привел здесь описание покоса утром первого дня войны.

«Хозяин» узнал о войне «и не дошел прокоса».

Но характерно, как сообщает о роковом событии Твардовский. Он, мастер подробных описаний, не объясняет: тот-то прибежал, прискакал, закричал и проч. Автор не считает это нужным и уместным. Он говорит:

Домой ждала тебя жена,
Когда с нещадной силой
Старинным голосом война
По всей стране завывала.

Вот какой образ — будто из фольклора, сказа, былины...

И тут мы впервые понимаем, что этот звук косьбы, «звон лопатки» — чудовищной трагической силы главный мотив, внутренняя тема всего произведения:

Не докосил хозяин луг,
В поход запоясаясь,
А в том саду все тот же звук
Как будто раздавался:

Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы домой.

Этот звук живет уже и отдельно от героев, он в них, но он уже и сильнее их:

И был ты, может быть, уже
Забыт самой войною,
И на безвестном рубеже
Зарыт иной землею.

Не умолкая, тот же звук,
Щемящий звон лопатки,
В труде, во сне тревожил слух
Твоей жене-солдатке.